

JEL classification: A13, B25, B31
УДК 330.82(092)
DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(1).39-75

Р.М. Нуреев

*Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

Ю.В. Латов

*Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация*

ДОРОГИ К ПОНИМАНИЮ «ДОРОГИ К РАБСТВУ» (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД БИОГРАФИЕЙ ФРИДРИХА ФОН ХАЙЕКА И ЕГО ИДЕЙ)

Аннотация. В позапрошлом году почти незамеченным прошло 120-летие знаменитого экономиста Ф. фон Хайека. Если в 1990-е, в период популярности либеральных идей, его в России считали одним из наиболее выдающихся экономистов XX в., то в наши дни идеи Хайека даже экономистами высказываются для демонстрации чаще крайностей либеральных подходов, чем их современной полезности. Подобные взлеты и падения популярности преследовали Хайека и при его жизни: если в 1944 г. (после публикации «Дороги к рабству») и в 1974 г. (после присуждения премии им. А. Нобеля) он был «на гребне волны», то в 1950–1960-е популярность его взглядов была крайне низкой. В биографии Хайека и его идей немало и других странностей. Представитель четвертого поколения австрийской школы, он стал свидетелем того, как эта научная школа полностью «эмигрировала» из Австрии. Хотя его считают выдающимся экономистом, в наши дни к его идеям политологи и философы обращаются едва ли не чаще, чем экономисты. Авторами статьи предложен проблемный подход к пониманию биографии Ф. фон Хайека и его идей — не только выделены «странности» в развитии идей Хайека и неоавстрийской школы в целом, но и

предложены их объяснения, основанные на прослеживании взаимосвязи развития доктринальных экономических идей с «духом эпохи». Акцент при этом сделан на объяснении контекста появления «Дороги к рабству» — самого известного произведения Хайека. Статья подготовлена редакторами коллективной монографии «Дорога к Хайеку» (Москва : КНОРУС, 2021. — 224 с. (в печати)) под влиянием размышлений над парадоксально широким разнообразием подходов к оценке идей Ф. Хайека.

Ключевые слова. Ф. Хайек, «Дорога к рабству», неоавстрийская школа, этатизм, либертарианство, история экономической мысли.

Информация о статье. Дата поступления 15 января 2021 г.; дата принятия к печати 18 февраля 2021 г.; дата онлайн-размещения 3 марта 2021 г.

R.M. Nureev

*Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation*

Yu.V. Latov

*Institute of Sociology,
Federal Scientific Research Center of RAS;
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Moscow, the Russian Federation*

THE ROADS TO UNDERSTAND «THE ROAD TO SERFDOM» (REFLECTION ON BIOGRAPHY OF FRIEDRICH HAYEK AND HIS IDEAS)

Abstract. The article refers to the famous economist Friedrich Hayek, whose 120-th birthday anniversary year before last was barely noticed. It should be mentioned that in the 1990-s, when liberal ideas were popular, he was considered to be one of the most outstanding economists of the 20th century. But nowadays the ideas of Hayek are presented more likely for exhibiting extreme liberal approaches rather than for their relevant practical application. The research gives an insight into his biography,

which includes the description of similar highs and lows in his popularity during his lifetime. In 1944 after the book «The Road to Serfdom» was published, as well as in 1974 after winning the Nobel Prize, he was at the highest of his fame unlike the period of the 1950-s and 1960-s when his views were barely demanded. There is a number of other strange issues in his personal biography as well as in the development of his ideas. As the representative of fourth generation of the Austrian School, he witnessed how this scientific school completely emigrated from Austria. Although he is regarded to be a distinguished economist, political analysts and philosophers refer to his ideas almost more frequently than economists. The authors of the present article proposed a problem-based approach to be used for understanding Hayek's biography and his ideas. This included not only identifying the oddities in evolution of Hayek's ideas and of the Austrian School as a whole, but also providing the rationale for them, which was based on highlighting the relationship between development of doctrinal economic ideas and «the spirit of the age». Special emphasis in the research was placed on explaining the historical background of the most famous work of Friedrich Hayek «The Road to Serfdom». The article was produced by the editors of joint monograph «The Road to Hayek» (Moscow: KNORUS, 2021. — 224 p., which is being published), who were influenced by reflection on variety of approaches to Hayek's ideas and their significance.

Keywords. Friedrich Hayek, «The Road to Serfdom», the Austrian School, etatism, libertarianism, history of economic thought.

Article info. Received January 15, 2021; accepted February 18, 2021; available online March 3, 2021.

Образ Хайека в современной России

В 2019 г. исполнилось 120 лет со дня рождения (8 мая 1899 г.) знаменитого австро-британского экономиста Фридриха Августа фон Хайека (1899–1992). Один из основоположников новейшей австрийской школы, он известен отнюдь не только как лауреат премии им. Альфреда Нобеля 1974 г. «за работы по теории экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости

экономических, социальных и институциональных явлений». Хотя среди нобелевских лауреатов XX в. было много экономистов, чья известность в наши дни не выходит за пределы круга профессионалов, Хайек и сейчас хорошо известен обществоведам всех специальностей — не только экономистам, но и философам, политологам, социологам, историкам. Самое главное, Хайек воспринимается не только как экономист-ученый, но и как экономист-идеолог, сильно влияющий на современные умонастроения. Действительно, слоган «социализм — дорога к рабству» знают и те, кто никогда не читал соответствующую книгу Ф. фон Хайека. В некотором смысле Хайек является в наши дни самым известным экономистом минувшего века, поскольку никакому другому знаменитому экономисту прошлого столетия (ни Коузу, ни даже Кейнсу) не удалось войти в общественное сознание человечества (отнюдь не только — и не столько — профессиональных экономистов) настолько же популярным слоганом.

В нашей стране идеи Ф. фон Хайека, как и новейшей австрийской школы в целом, воспринимаются экономистами противоречиво, что связано с очень противоречивым отношением в постсоветской России к либеральной идеологии в целом. Для экономистов австрийской школы типично сочетание высокой креативности, генерирующей оригинальные научные идеи, и их ультра-либеральной идеологической ангажированности, из-за чего даже умеренные либералы (например, кейнсианцы) нередко считают «австрийцев» не столько учеными, сколько идеологами (хотя сам Дж.М. Кейнс относился к Ф. фон Хайеку с большим профессиональным уважением).

На отношение в современной России к Хайеку сильно влияет то, что в критике советского коммунизма в 1980–1990-е гг. большую роль сыграла именно «Дорога к рабству» (1944) Хайека, где он подверг резкому осуждению любые формы государственного

регулирования¹. Поэтому в 1990-е, когда осуждение советского режима было официальной нормой, нормой стало и благожелательное отношение к Хайеку, большинство работ которого еще были тогда мало известны даже профессиональным экономистам². Как писал Р.И. Капелюшников, «хайковская философия свободы... нужна сегодня для интеллектуального выздоровления обществ, испытавших на себе ужас тоталитарного рабства, ибо она помогает изживать многие предрассудки «коллективистского» мышления» [4].

Ренессанс государственного регулирования в 2000–2010-е гг. привел к тому, что идеи Хайека о «предрассудках «коллективистского» мышления» снова стали в России непопулярными. Современные российские обществоведы относятся к либертарианству Хайека настороженно, помня, что его «экстремистские» идеи и практические предложения о максимальном разгосударствлении экономики (включая возвращение к «частным деньгам») часто осуждаются даже на Западе. В связи с общим усилением антизападной риторики не могли не появиться и откровенные выпады в адрес Хайека на уровне худших образцов советской пропаганды [5]. Конечно, для профессиональных экономистов гораздо весомее позитивные отзывы о Ф. фон Хайеке от Р.И. Капелюшникова, чем негативные — в публикациях В.Ю. Катасонова. Однако менее профессиональные читатели могут принять

¹ Первый перевод «Дороги к рабству» на русский язык появился в начале 1980-х, в разгар холодной войны, в русскоязычном издательстве в Лондоне, специализирующемся на издании диссидентской литературы [1]. В московском Доме русского зарубежья им. А. Солженицына хранится экземпляр данного издания с автографом Фридриха фон Хайека А.И. Солженицыну. В самой России перевод этой знаменитой книги появился только в предпоследний год существования СССР [2; 3].

² Лишь в 2010-е гг. начали выходить первые тома начатого издательством «Социум» 19-томного собрания сочинений Хайека на русском языке, которое завершится вряд ли раньше второй половины 2020-х гг.

за чистую монету критические оценки, будто Хайек — шарлатан и вообще наймит «хозяев денег».

Интересно, что и для «защитников», и для критиков Хайека он остается автором прежде всего «Дороги к рабству», которая в общей массе его трудов не слишком превышает 1 %³. Сама эта «главная книга» Хайека рассматривается чаще всего вне конкретных условий места и времени, когда автор ее писал. Такое восприятие Ф. фон Хайека, скорее как либерального публициста типа Айн Рэнд, чем как серьезного ученого, препятствует пониманию многих его креативных идей (например, о «конкуренции как процедуре открытия»), пересекающихся с тематикой современных институциональных исследований и достойных внимания безотносительно к защите / критике либерализма.

Долгая жизнь Хайека в «коротком XX веке»

Для понимания судьбы научных идей Хайека целесообразно сначала вспомнить непростую личную судьбу этого экономиста, перепады которой напоминали «американские горки». Его жизнь в основном совпала с «коротким XX веком» (1914–1991 гг.), как Э. Хобсбаум назвал период от начала мировых войн до краха родившегося в результате этих войн социалистического лагеря.

Фридрих фон Хайек родился 8 мая 1899 г. в Вене, столице Австро-Венгерской империи, конец которой совпал с началом его научной карьеры. Немецко-аристократическая фамилия демонстрирует принадлежность семьи будущего экономиста (как и большинства экономистов австрийской школы) к элите империи Габсбургов, хотя отнюдь не к аристократии. Дворянство фон Хайеков — не потомственное, а служилое, типичное для большинства дворян XIX в. (включая,

³ По состоянию на начало 1980-х (т.е. примерно за десятилетие до смерти фон Хайека) его библиография насчитывала 18 монографий, 25 брошюр и 235 статей [6, с. 161].

например, и В.И. Ульянова / Ленина)⁴. Отец Фридриха был профессором ботаники Венского университета и в ранней юности будущий экономист интересовался в основном естественными науками (ботаникой, палеонтологией, теорией эволюции — все это потом существенно повлияет на его мышление как экономиста).

Первая мировая война стала первым резким поворотом в биографии Ф. фон Хайека. В 1917 г., сразу после окончания школы, Хайек был призван в австро-венгерскую армию и после короткого обучения более года служил кадетом (почти как комический кадет Биглер из «Приключений храброго солдата Швейка») на итальянском фронте, где сначала австрийцы побеждали итальянцев, но к концу войны, как и везде, Антанта взяла реванш. После возвращения с проигранной войны — уже не в Австро-Венгерскую империю, а в республику Австрия — в 1918 г. он поступил в Венский университет, после окончания которого в 1921 г. получил диплом доктора юридических наук.

Увлечение экономической наукой связано с его занятиями в семинаре Людвига фон Мизеса (1881–1973), под началом которого Хайек стал работать в Австрийском бюро урегулирования военных претензий, а также получил в 1923 г. степень доктора экономических наук. Именно Л. фон Мизес считается (наряду с Фридрихом фон Визером) главным учителем Хайека-экономиста; впрочем, ученик быстро догнал учителя по известности среди коллег, хотя был моложе его на почти 20 лет. В 1927 г. Ф. фон Хайек и Л. фон Мизес совместно возглавили Австрийский институт экономических исследований. Параллельно с 1929 г. Хайек преподавал экономическую теорию в Венском уни-

⁴ Поскольку после распада Австро-Венгрии в 1918 г. дворянские титулы были упразднены, приставка «фон» в фамилии Хайека (как и у его учителя Мизеса) приобрела, так сказать, факкультативный характер. В «демократичной» англоязычной литературе его чаще называют просто Фридрихом Хайеком.

верситете. Главным направлением его научных работ в этот ранний период стала теория капитала, нашедшая отражение, в частности, в книгах «Межвременное равновесие цен и изменения стоимости денег» (1928) и «Денежная теория и торговый цикл» (1929).

Последняя вспышка активности австрийской школы, связанная с деятельностью Мизеса и Хайека, оказалась кратковременной, поскольку в начале 1930-х гг. Австрия, как и Германия, начала погружаться в политические междоусобицы, закончившиеся победой фашизма. Ф. фон Хайек первым смог в 1931 г. переехать в Великобританию, где стал успешно работать в Лондонской школе экономики, а в 1938 г. принял британское гражданство; его учитель Л. фон Мизес в 1934 г. по примеру своего лучшего ученика также уехал из Австрии в Швейцарию.

Если первоначально Хайек занимался в Великобритании сугубо академическими проблемами теории денег («Цены и производство», 1931) и капитала («Чистая теория капитала», 1941), то затем его научные интересы начинают смещаться в сферу своего рода «философии экономики», что и сделало его известным за пределами сообщества профессиональных экономистов. Именно в период работы в Великобритании во второй половине 1940-х гг. Ф. фон Хайек сделал то, что в наибольшей степени его прославило: в 1944 г. издал «Дорогу к рабству», а в 1947 г. основал общество защитников либеральных идей «Мон Пелерин», ставшее своего рода «кузницей» выдающихся экономистов-либералов. Хотя ведущим британским экономистом 1930–1940-х гг. являлся Дж.М. Кейнс, с которым Хайек активно полемизировал, «австрийские» радикально-либеральные идеи, отрицающие полезность государственного регулирования экономики, рассматривались многими как полезный противовес этатизму кейнсианства.

Впрочем, в 1940-е постепенно репутация Ф. фон Хайека среди его британских коллег стала ухудшаться. Это

происходило прежде всего из-за снижения влияния его идей в условиях роста популярности идей кейнсианства и даже социализма: за 10 лет работы в Лондонской школе экономики он «растерял всех своих бывших сторонников, перешедших на сторону ширящейся кейнсианской революции» [7, с. 465]. Сыграли роль и семейные проблемы — Хайек вторично женился (на двоюродной сестре), оставив первую жену, что по меркам тогдашнего британского общества выглядело аморально.

В результате Хайек оказался снова вынужден переехать — на этот раз в США, где радикально-либеральные идеи австрийской школы лучше согласовывались и с национальной культурой этой страны, и с политической конъюнктурой периода маккартизма. Не случайно, что и его учитель, Л. фон Мизес, также в 1945 г. переехал в США, став профессором экономики Нью-Йоркского университета. Ф. фон Хайек в 1950–1962 гг. работал «по соседству» — профессором Чикагского университета, который уже тогда считался одним из ведущих центров либеральной экономической мысли. Интересно отметить, что чикагские экономисты сначала отвергли прием «австрийца» на работу, но затем он все же был «трудоустроен» в Комитет по общественным наукам Чикагского университета, причем работу Хайека в Чикаго (как и Мизеса в Нью-Йорке) оплачивал не университет, а частный фонд Волкера⁵. В этот период Ф. фон Хайек, чувствуя отчуждение от американских коллег-

⁵ Когда современные критики (как В.Ю. Катасонов) называют фон Хайека ученым наймитом «хозяев денег», они лишь демонстрируют свое незнание реальных обстоятельств его жизни. Действительно, в США Хайек без помощи благотворительного фонда Волкера вряд ли смог активно работать. Однако этот не слишком крупный фонд, сыгравший в 1940–1950-е большую роль в поддержке либертарианства (включая финансирование организации «Мон Пелерин»), трудно назвать инструментом «хозяев денег». К тому же Хайек и другие либертарианцы активно развивали свои идеи как до получения поддержки от фонда Волкера, так и после прекращения этой поддержки.

экономистов, стал больше заниматься вопросами политологии (например, в «Конституции свободы» (1960)). Чувствуя себя в период господства кейнсианских идей непонимаемым и мало востребованным, Хайек в 1950–1960-е переживал приступы тяжелой депрессии, а здоровье его временами так ухудшалось, что он даже не был уверен в способности продолжать научную работу.

В начале 1960-х, когда прекращается поддержка фонда Волкера, Хайек уезжает из США, чтобы провести последние десятилетия жизни в родной Европе. В 1963–1968 гг. он преподает экономику во Фрайбургском университете в ФРГ. В 1968 г. 70-летний Хайек уходит в отставку, но продолжает сотрудничать как профессор-консультант сначала с Зальцбургским университетом в Австрии (1969–1977 гг.), а затем вновь с Фрайбургским университетом.

Ему повезло дожить до времени, когда «век кейнсианства» завершился разочарованием в способности государство эффективно регулировать рыночное хозяйство, а потому «австрийский» либерализм вновь стал активно востребованным. Присуждение ему в 1974 г. премии им. А. Нобеля по экономике существенно подстегнуло и популярность идей австрийской школы, и личную популярность последнего великого австрийского экономиста, и даже его здоровье, которое позволило ему активно работать едва ли не до последних лет жизни. Его последняя книга, «Пагубная самонадеянность», опубликована в 1988 г., когда автору было почти 90 лет; впрочем, в предисловии Хайек выразил благодарность профессору Стэнфордского университета У.У. Бартли III, который подготовил рукопись к печати, когда болезнь лишила автора возможности завершить работу.

Ф. фон Хайек умер во Фрайбурге 23 марта 1992 г., пережив на несколько месяцев советский строй, с критикой которого в значительной степени связана попу-

лярность его идей⁶. Его с государственными почестями похоронили в Вене, где он родился 93 года назад.

Странная судьба идей Хайека

Фридрих фон Хайек занимает в иерархии обществоведов XX в. довольно странное место. Все признают, что он относится к числу наиболее выдающихся мыслителей минувшего столетия. Однако попытки более точно классифицировать его место в науке оказываются затруднительными.

Прежде всего, трудно однозначно сказать, кто он по «специальности» — экономист? философ? политолог? социолог? Как видно из обзора его биографии, ранние работы Ф. фон Хайека были посвящены вполне традиционным проблемам рыночного хозяйства — торговому циклу, денежному обращению, ценообразованию и т.д. Но уже с 1940-х его творчество (включая «Дорогу к рабству») в основном посвящено своего рода «философии экономики», затрагивая в той или иной степени все гуманитарные научные дисциплины. В результате практически все общественные науки предъявляют свои «права» на Хайека [8–10], поскольку, пожалуй, нет такой сферы гуманитарного знания, которой бы он не занимался. При этом, однако, обращают внимание на подчеркнутую публицистичность наиболее известных его трудов, которые обращены не только (и, возможно, не столько) к его собратьям по науке.

В биографии Хайека несомненна «одна, но пламенная страсть» — защита ценностей либерализма, причем либерализма самого последовательного и «от-

⁶ В 1982 г. в предисловии к первому переводу «Дороги к рабству» на русский язык Хайек писал: «...я почти не надеялся дожить до момента, когда увижу ее в русском переводе, воздействие которого может оказаться более значительным, чем любого другого. Я глубоко надеюсь и желаю, чтобы мои ожидания сбылись» [1, с. 8]. Действительно, не прошло и десяти лет...

чаянного». В этой безоглядной приверженности либерализму заключено объяснение и трагедии, и триумфа его научной биографии.

Трагедия фон Хайека в том, что пик его интеллектуальной деятельности пришелся на те десятилетия (1930–1950-е гг.), когда роль основного течения в экономической науке играло кейнсианство, а общественные унастроения были связаны с надеждами на благотворность государственного регулирования. Хайек и немногие его единомышленники (включая Л. фон Мизеса) оказались людьми, плывущими против течения. Конечно, даже в 1930–1960-е современники понимали талантливость этого австро-британского мыслителя, но он им представлялся выходцем скорее из прошлого, чем из будущего. Научная полемика Хайека с Дж.М. Кейнсом окончилась, с точки зрения современников, его поражением: если с его «Трактатом о деньгах» (1930) Хайек активно спорил, то на знаменитую «Общую теорию занятости, процента и денег» (1936) вообще никак не отозвался, что воспринималось как молчаливое признание победы оппонента⁷. Лишенный поддержки научного сообщества, Хайек не мог не приобрести некоторые черты «непризнанного пророка» — отсюда и публицистичность наиболее известных его книг, заметная даже по их названиям («Дорога к рабству» в 1944 г., «Контрреволюция науки» в 1952 г., «Конституция свободы» в 1960 г.), отсюда и подчеркнутая экстремальность многих его идей.

Даже Нобелевская премия по экономике, присужденная Хайеку в 1974 г., подчеркивала его «странность». Ведь одновременно с автором «Дороги к рабству» награждали и шведского институционалиста Гуннара Мюрдаля (1898–1987), идеолога «шведского социализма», которого Хайек не мог не считать од-

⁷ Подробнее см. [11]. Любопытно, что даже став непримиримыми интеллектуальными и идеологическими противниками, Хайек и Кейнс сохранили личную дружбу «поверх барьеров».

ним из активных строителей этой самой «дороги». Любопытно отметить некоторое сходство в научной биографии этих двух нобелевских лауреатов — они почти ровесники, оба начинали с изучения денежной теории, но затем перешли от этой относительно узкой проблемы к более широкому анализу институциональных факторов развития экономики (это нашло отражение в формулировке Нобелевской премии по экономике 1974 г. «за основополагающие работы по теории денег и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений»). Это сходство лишь подчеркивает полярность их идеологических позиций.

1970-е обозначили признание научных заслуг Хайека на фоне общего перелома в умах людей Запада и в экономической науке. На смену «веку кейнсианства» шел «век новой неоклассики». В последние десятилетия своей жизни Ф. фон Хайек мог чувствовать себя в какой-то степени триумфатором: наконец-то идеи либерализма начали брать реванш над идеями этатизма. Правда, с неоклассиками 1970–1980-х Хайек, как и неоавстрийская школа в целом, тоже вел острую полемику, считая их непоследовательно либеральными. Тем не менее, его называли идейным вдохновителем тэтчеризма и рейганомии; с ним, агностиком, консультировался римский папа Иоанн Павел II. Он успел увидеть распад СССР и, как казалось, гибель тоталитарной альтернативы западной демократии. Быть может, ему стоило бы предугадать, что торжество либеральных идей тоже не продлится вечно, и попытаться скорректировать крайности либерального «обожествления» свободы. Но действовала инерция прежних лет, и последние работы Ф. фон Хайека («Право, законодательство и свобода», 3 т. в 1973–1979 гг., «Пагубная самонадеянность» в 1988 г.) завершали старые пути его научного поиска, а не намечали новые.

Хайека считают (наряду с Л. Мизесом) наиболее выдающимся представителем неоавстрийской школы экономики, которая завоевала известность институциональным анализом рыночного хозяйства. Как и традиционные институционалисты, неоавстрийцы отвергают «модное» экономико-математическое моделирование, предпочитая ему анализ плохо формализуемых «правил игры». Однако если институционалисты относятся к «невидимой руке» рынка, как правилу, очень критически, то Хайек и его последователи — ярые защитники концепции свободного рынка и невмешательства государства в экономику, критики любых (не только социалистических) форм государственного регулирования.

Часто цитируют полушутливую самооценку Хайека [12, с. 11], который оценивал свой научный вклад как одно открытие (эффект рассеянной информации, которую создать и собрать может только спонтанный рыночный порядок, но не госрегулирование) и два изобретения — частные (денационализированные) деньги и парламент нового типа (где текущее управление отделено от принятия общих «правил игры»). Если с важностью сделанного Хайеком «открытия» можно согласиться (хотя далеко не все примут полное отрицанием Хайеком «социальной инженерии»), то его «изобретения» оценивают гораздо более критически, ни одна страна мира не спешит их вводить.

Действительно, по современным меркам наиболее важное в интеллектуальном наследии Хайека — это теория «спонтанного порядка». По его мнению, высшей ценностью является свобода, понимаемая как свобода от принуждения со стороны других людей. Поэтому он отвергает централизованное регулирование и превозносит стихийное саморазвитие, которое наилучшим и ненасильственным образом отбирает самые эффективные формы хозяйственной организации. Децентрализованная рыночная система, основанная

на конкуренции, превосходит централизованное планирование, поскольку позволяет лучше реагировать на неявную информацию. Единственным нерыночным регулятором, одобряемым Хайеком, является «правление права», т.е. подчинение всех граждан единым и стабильным правилам, защищающим собственность и договорные обязательства.

Горячий защитник идеи стихийного саморазвития, Хайек, однако, выступал с требованиями ряда *очень* радикальных реформ. Дело в том, что поскольку в современном мире действует, по его мнению, много насаждаемых с XIX в. систем государственного регулирования, то для создания общества, основанного на спонтанном порядке, необходимы многие коренные перемены. Например, социальную политику, направленную на реализацию социальной справедливости, он критикует как атавизм первобытного строя. А для устранения государственной монополии в денежной сфере Хайек и его последователи требуют возвращения к системе частных денег, когда (как до XIX в.) каждый банк выпускает собственные банкноты, соревнуясь с другими банками за их устойчивость. Такой либеральный радикализм одобряется далеко не всеми либералами. Поэтому даже самые либеральные политики Запада пользуются «анархо-либеральными» идеями Хайека очень избирательно — используют его критику системы социальных пособий и государственной собственности, но вовсе не собираются вводить частные деньги.

Таким образом, Ф. фон Хайек вошел в историю общественной науки противоречивым фанатиком либерализма — ученым, яростно отвергающим всякое сознательное социальное конструирование и в то же время призывающим искусственно создать условия для свободного развития «спонтанного порядка». В результате до сих пор по поводу Хайека и его идей высказывают самые противоречивые оценки в диапазоне от восхищенных до уничижительных.

Действительно, кто вы, доктор Хайек? Последовательный защитник идей свободы в этикетские времена, когда защищать либерализм было «немодно»? Или «изобретатель» образа врага-этикетиста, круто смешавший экономическую теорию с политической пропагандой [13]? А что такое его концепция частных денег — предсказание появившихся через 15 лет после его смерти негосударственных криптовалют или ретропия, попытка заменить пугающе-неопределенное будущее «старым добрым» прошлым (примерно XVIII в.)?

Противоречия оценок отчасти связаны со сложностью идей этого австро-британского экономиста, которые во всем их многообразии лишь недавно (отчасти в результате начавшегося в 2010-е гг., но еще не завершеного издания 19-томного собрания сочинений Хайека) стали в России достаточно известны. Но более важный источник противоречий оценок, видимо, — существенная внутренняя противоречивость самих идей фон Хайека. Причем эти противоречия отражают не столько субъективные противоречия самого австро-британского экономиста, сколько объективную противоречивость того мира, в котором он жил и работал.

Вспомним хрестоматийную статью В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908), которая очень удачно отражает принцип социологического подхода к пониманию жизни и творчества любого выдающегося человека. Действительно, социология рассматривает конкретных людей как, прежде всего, представителей социальных групп и акторов объективных социальных тенденций, поэтому личные взгляды и действия индивида — проекция (прямое или кривое «зеркало») на индивидуальные характеристики и закономерностей. Поскольку каждый человек входит одновременно в разные группы (возрастные, поселенческие,

имущественные и т.д.), то жизнедеятельность любой выдающейся личности отражает богатый спектр разнообразных тенденций.

Если взглянуть с этой точки зрения на жизнь и творчество Фридриха фон Хайека, то они тоже, при всей индивидуальной необычности этого мыслителя, отражают в первую очередь нетривиальные закономерности развития как экономической мысли, так и в целом развития общества в XX в. Изложим далее ряд гипотез о некоторых из этих закономерностей для лучшего понимания роли и места «хайекизма» в истории минувшего столетия.

Фридрих фон Хайек как зеркало эволюции австрийской школы

Описывая место Хайека в эволюции австрийской экономической школы, невольно хочется написать пародию на все того же В.И. Ленина: «Чествуя Хайека, мы ясно видим три поколения, действовавшие в австрийской экономической школе. Сначала — маржиналисты и Бём-Баверк. Их идеи подхватили и расширили экономисты второго поколения, Мизес и его ученики. Узок круг этих экономистов, страшно далеки они от народа и от реальной политики. Но их дело не пропало. Мизес воспитал Хайека, Хайек развернул либертарианскую агитацию. Шире стал круг «борцов» за либерализм, ближе их связь с политиками. Первый натиск сторонников этой идеологии был в России в 1990-е, следующий начинает расти на наших глазах». И в этой шутке есть только доля шутки.

Действительно, при формировании любой новой идеологии ее символом становится тот, кто занимается не только углубленно-научной разработкой новых идей, но и их пропагандой и агитацией. Сам Хайек, объективно сделавший для либерализма примерно то же, что Ленин для марксизма, был бы сильно удивлен таким сопоставлением. Однако параллели опреде-

ленно есть, и сторонники либерализма благоговейно ссылаются в наши дни на работы Хайека почти так же, как советские обществоведы-марксисты к месту и не к месту цитировали Ленина. Конечно, основанное Хайеком общество «Мон Пелерин» — не прямой аналог большевистской партии. Ведь либертарианская идеология гораздо более элитарна, чем коммунистическая, поэтому ей для доминирования, как россияне это видели 30 лет назад, вполне достаточно иметь сплоченных приверженцев среди научной и политической элиты.

Примечательно, однако, что австрийская школа как раз на Мизесе и Хайеке перестала быть австрийской. Для лучшего понимания этого парадокса вспомним биографии ее ведущих представителей: К. Менгер, О. фон Бём-Баверк, Ф. фон Визер — профессора Вены; Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек начинали в Вене, но затем «переселились» (Хайек на время, Мизес навсегда) в США; М. Ротбард и И. Кирцнер — американцы (хотя и из мигрантов). Среди современных «австрийцев» есть американцы и немцы, ведущим экономистом этого направления называют испанца Х. Уэрта де Сото, а вот собственно австрийцев совсем нет. Заметно, что в 1930-е, когда из Австрии уезжали все противники нацизма, австрийская школа уехала оттуда навсегда.

В этой связи интересно вспомнить, что в 1968–1977 гг. Ф. фон Хайек на время вернулся в родную Австрию, в Зальцбургский университет (в столичный Венский, очевидно, не звали), но результат ностальгии получился малоудачный. Мало того, что экономический факультет в Зальцбурге оказался небольшим; самое главное, сотрудники и студенты университета проявляли мало интереса к экономическим концепциям Хайека и, тем более, к его политической философии. А ведь именно в этот период, в 1974 г., Хайек стал лауреатом премии им. Нобеля! Родное отечество почему-то не пожелало в послевоенный период при-

знать Хайека как выдающегося экономиста, каким его считали в США и в Германии (куда он, покинув неблагодарный Зальцбург, вернулся доживать последние 15 лет жизни).

Чтобы понять, почему австрийская школа после 1930-х осталась австрийской лишь по названию, есть смысл задаться для начала другим вопросом: а почему эта либертарианская экономическая теория сформировалась именно в Австрии?

Для понимания того, чем была Австрия до 1940-х, сошлемся на самого Ф. фон Хайека. В написанной в апреле 1945 г. статье «Будущее Австрии» Хайек откровенно объяснял, почему предвоенный аншлюс Австрии нацистской Германией был одобрительно встречен большинством австрийцев. «...Движение за присоединение к Германии, — писал он, — в гораздо меньшей степени основывалось на националистических сентиментах, чем на чисто рациональном расчете: это была надежда бедной и слабой страны на выигрыш от присоединения к процветающему соседу» [14, с. 278]. Вот именно такой страной — относительно (в сравнении с «нормальными» западноевропейскими странами) малоразвитой восточной окраиной Европы — Австрия была и в предшествующее столетие.

Первая половина XX в. показала, что именно менее развитая восточная окраина Европы генерировала умонастроения одновременно двух антагонистических типов — ультра-этатистские (коммунистические) и ультра-антиэтатистские (либертарианские). Действительно, «социалистический лагерь», сформировавшись в СССР, после Второй мировой доходил до границ Австрии, охватывая все страны к востоку от нее. В то же время именно мигранты из этого региона наиболее активно критиковали «дорогу к рабству». Помимо австрийской школы можно вспомнить также выходцев из России — таких как Б.Д. Бруцкус, предвосхитившего в начале 1920-х гг. критику социализма

«австрийцами», и Айн Рэнд (А.З. Розенбаум), прославившуюся в США 1930–1960-х гг. пропагандой либертарианства в гораздо более вульгарно-популярной форме, чем у «австрийцев».

Такая странная закономерность вполне социологически объяснима тем, что проблемы нового общественного строя (в данном случае — капитализма) болезненнее переживаются не там, где этот строй развивается давно и потому стал привычной нормой, а как раз там, где он укоренен слабее. Восточная окраина Европы действительно была слабым (менее развитым) звеном европейской капиталистической системы. Поэтому у одних этот «средне-слабый капитализм»⁸ рождал сильное желание его «закопать», ликвидировать, а у других — «очистить», сделав его максимально последовательным и сильным. Современные россияне, живущие в условиях противоречивого сочетания капитализма и авторитарного этатизма, данную закономерность хорошо чувствуют на себе: одни критики российского «реального капитализма» требуют демонтажа капитализма, другие — демонтажа госрегулирования.

После 1940-х гг. «окраинность» устойчиво сохраняется за Восточной Европой, но послевоенная Австрия однозначно «вошла в (нормальную) Европу» и одновременно «ушла из истории». Эта «новая» Австрия относится, как и Германия, к рейнской модели экономики, занимающей промежуточное положение между шведским «реальным социализмом» и либеральной англо-саксонской моделью. Но Германия, «восставшая из руин» в результате либеральных реформ Л. Эрхарда, заслуженно считает себя главным лидером Западной Европы и, соответственно, генератором идей для нее. Поэтому Хайека хорошо прини-

⁸ Данный термин, как известно, В.И. Ленин использовал для характеристики царской России в начале XX в., но его правомерно применять и к императорской Австро-Венгрии, которая, правда, была в сравнении с Россией менее «слабой» и более «средней».

мали во Фрайбургском университете, связанном с традициями Фрайбургской школы ордо-либерализма, а идеи австрийской школы продолжают развиваться и в современной Германии. Австрия же приняла во второй половине XX в. роль страны развитой, но второстепенной, отказавшейся от претензий на доминирование. Поэтому в этой новой Австрии для оригинальностей австрийской экономической школы места уже не было. Зато в претендующих на мировое лидерство США, где к тому же свобода считается главной национальной культурной ценностью, условия для развития «австрийского» либертарианства оказались еще лучше, чем в Германии. Поэтому современная австрийская школа развивается в основном в США и в Германии, но только не в самой Австрии.

Последнее существенное замечание о роли Хайека в эволюции австрийской школы связано с тем, как его оценивают современные «австрийцы». Как ни странно, не так уж и высоко! Х. Уэрта де Сото указывает следующую иерархию современной влияния выдающихся представителей этой школы: Ротбард, Мизес, Хайек, Кирцнер [15, с. 6]. И действительно, есть как минимум один явный критерий, по которому Мизес «обогнал» своего ученика. Мизес был, судя по всему, учителем с большой буквы: все перечисленные Уэрта де Сото влиятельные представители австрийской школы — ученики Мизеса, а ведь кроме тех учеников, кого Мизес «совратил в свою веру», были и многие другие ученики, на которых Мизес «только» повлиял (Ф. Махлуп, Г. Хаберлер и др.). А вот у Хайека, при всем блеске и многочисленности его работ, педагогические способности были не слишком высокие. Единственная его ученица — Марджори Грайс-Хатчинсон, защитившая под руководством Хайека докторскую в Лондонской школе экономики и затем получившая некоторую известность работами по истории ранней экономической мысли Испании.

Фридрих фон Хайек как зеркало развития этатизма на Западе

Развитие либертарианства австрийской школы часто считают реакцией на советский коммунистический режим. Действительно, дата публикации знаменитой «Дороги к рабству» Ф. Хайека — 1944 год! — кажется несколько странной. Идет Вторая мировая, советская армия подходит к своим довоенным границам, чтобы начать освобождение Европы от нацизма. И в это время известный британский экономист публикует научно-популярную книгу о том, что коммунизм и нацизм в сущности одинаковы, что «открытому обществу» необходимо равно бороться с любыми тоталитарными идеологиями. Само название книги Хайека (ведь «The Road to Serfdom», строго говоря, надо переводить как «Дорога к крепостничеству»⁹) содержит очень прозрачный намек именно на Россию, последней в Европе отменившей крепостное право. Кажется, только недостаточными знаниями отечественных идеологов-«патриотов» можно объяснить то, что Хайека (пока еще) не объявили разжигателем «холодной войны», значительно опередившим печально знаменитую фултонскую речь У. Черчилля (1946 г.).

Обвинение в антисоветской «русофобии» можно подкрепить и тем, что, по мнению западных советологов, Хайек был мало осведомлен о том, как функционирует советская экономика [16, с. 19] (об этом в Западной Европе вообще мало кто был осведомлен, поскольку экономическая советология начала активно развиваться лишь после войны). Не следовал ли Хайек советскому принципу: «не читал, но осуждаю»?

Но на самом деле подозрения в политически-конъюнктурном антисоветизме с Хайека можно снять.

⁹ В английском языке рабство — это Slavery, хотя нередко для обозначения любых форм внеэкономического принуждения используется термин Serfdom, узкое значение которого связано со средневековой крепостной зависимостью.

Во-первых, он не был конъюнктурным. Во-вторых, вообще не вполне корректно говорить об антисоветизме как главном содержании хайековской антиэтатистской критики.

Теоретической критикой социализма «австрийцы» занялись уже в начале 1920-х гг., практически сразу после образования Советской России. Здесь достаточно сослаться на воспоминания самого Хайека, что он в начале своей университетской жизни был социалистом «фабианского толка» (т. е. верил в благотворность государственных реформ), и только знакомство с книгой Л. фон Мизеса «Социализм» (1922) привело к замене социалистических идеалов антисоциалистическими [15, с. 112]. В 1930-е гг., работая в Лондонской школе экономики, Хайек дискутировал о проблемах госрегулирования не только с великим Дж.М. Кейнсом, но и с менее сейчас известным Оскаром Ланге, теоретиком «рыночного социализма»¹⁰. В эти же годы он активно пропагандировал труды своих предшественников — не только знаменитого Л. фон Мизеса, но и малоизвестного Д. Бруцкуса¹¹. Поэтому «Дорога к рабству» примечательна не столько новизной высказанных в ней идей (тезис о принципиальной невозможности улавливать спрос без рыночного ценового механизма был высказан еще Мизесом и Бруцкусом), сколько нарочито-гиперболизированным заглавием.

Интереснее обратить внимание на то, что послужило непосредственным стимулом к написанию этой

¹⁰ См., например, его серию изданных в 1935 г. статей [17].

¹¹ В предисловии к изданной в Лондоне в том же 1935 г. книге Б. Бруцкуса «Экономическое планирование в Советской России» Хайек писал об ее авторе: «Можно... поражаться той экстраординарной ясности, с которой он уловил действительно центральные моменты. Вместе с трудами проф. Л. Мизеса и М. Вебера, вышедшими в Германии несколькими месяцами раньше, эта книга... должна рассматриваться как одно из главнейших исследований, вызвавших нынешние дискуссии об экономических проблемах социализма...» [18].

книги и обусловило «взрыв» ее популярности. Ведь в 1930-е гг., когда сталинский режим демонстрировал социализм с откровенно нечеловеческим лицом, антисоциалистические филиппики «австрийцев» не вызвали в Европе особого интереса. Дискуссия Хайека с Ланге, по мнению современников, вообще завершилась интеллектуальной победой скорее «социалиста» Ланге, чем его противника.

В поисках ответа на вопрос о «взрыве» популярности Хайека можно вспомнить другой почти синхронный пример подобного же рода — «1984» Джорджа Оруэлла (1948). Действительно, британский читатель не слишком заинтересовался в 1930-е реалистично описанными Д. Оруэллом ужасами войны в Испании, где защитники республики с «неправильными» взглядами погибали не столько на фронте, сколько в тылу, где их пытали и расстреливали советские «чекисты». А через несколько лет весь Запад — не только Великобритания — взхлеб упивался фантастическим романом про несуществующий «ангсоц» («английский социализм»), где «мир — это война», «правда — это ложь» и т.д. Заметим, что Оруэлл (как и Хайек) в Советской России никогда не был, а при сочинении своего знаменитого романа опирался в первую очередь на личный опыт пропагандистской работы на британском радио во время войны с нацистской Германией.

Почему же западный читатель так быстро в середине 1940-х гг. «научился» бояться социализма? Конечно, смена курса политических элит ведущих стран Запада сразу после завершения Второй мировой войны, когда на СССР было предложено глядеть не как на вчерашнего союзника, а как на завтрашнего агрессора, тоже сыграла роль. Но не упали ли зерна фултонской речи Черчилля на подготовленную почву?

Предлагаем читателю представить себя на месте британцев. У власти — Партия труда, в программе которой записано требование обобществления средств про-

изводства. Национализирована уже 1/5 экономики Великобритании — Банк Англии, угольная и сталелитейная промышленность, железные дороги и гражданская авиация, коммунальное хозяйство и больницы. Продукты (включая повседневные хлеб и картошку) распределяют по карточкам. В парламенте в палате извечно консервативных лордов обсуждают введение социального государственного страхования, политику полной занятости и социальную ответственность владельцев частной собственности. А совсем недалеко — победоносная армия восточной страны, где, говорят, всех тех, кто был не согласен с официальным пониманием ответственности собственников, давно развеяли в лагерную пыль.

Что это — альтернативная реальность? Нет, реальная послевоенная Великобритания!

Еще в разгар войны, в 1942 г., английский экономист Уильям Беверидж (занимавший относительно скромный пост заместителя министра труда, но считавшийся по степени влияния едва ли не вторым, сразу после У. Черчилля, британским политиком) представил правительству доклад с предложениями о широкомасштабном перераспределении доходов в интересах малоимущих. В атмосфере антивоенной национальной сплоченности и доминирования идей кейнсианства лейбористы (лейбористская партия — буквально именно Партия труда) восприняли доклад У. Бевериджа как призыв к практическим действиям. Сразу же после завершения войны они «свергли» консервативное правительство Черчилля (в Фултоне он выступал уже как частное лицо), провели в 1945–1947 гг. широкомасштабную национализацию и распространили карточную систему (которая действовала в Великобритании до 1953 г., т.е. дольше, чем в СССР) даже на те продукты, которые не нормировались в военные годы¹². Не мудрено, что очень многим англичанам стало казаться

¹² С обзором «послевоенного британского социализма» можно познакомиться, например, по: [19, с. 172–198].

ся, что их ведут именно в «ангсоц» и именно по «дороге к рабству». Реакцией на такие массовые страхи, связанные в первую очередь с про-кейнсианским лейборизмом, и стала популярность антисоциалистических «агиток» самого разного рода — и более научных, как у Хайека, и более художественно-фантастических, как у Оруэлла. В других странах Запада ситуация не слишком отличалась: например, в США бешеная популярность книги Хайека была связана с «усталостью» от Нового курса и других этатистских мер администрации Ф.Д. Рузвельта [7, с. 604].

Если рассматривать «Дорогу к рабству» как реакцию в первую очередь на британских, а не на континентальных «социалистов», то попутно можно предложить ответ на каверзный вопрос, почему Хайек никак не отозвался на кейнсианскую «Общую теорию занятости, процента и денег» (1936), хотя ранее активно спорил с Кейнсом по поводу предшествующего «Трактата о деньгах» (1930). Хайек, судя по его биографии, был интеллектуально честен и всегда говорил и писал именно то, что думал. Но при этом он был достаточно социализирован, чтобы даже не пробовать биться головой о стену, а потому не всегда писал *все*, что думал. Кейнс как автор «Трактата о деньгах» еще был «просто» коллегой Хайека, с которым можно было спорить без ущерба для репутации. А вот Кейнс как автор «Общей теории...» быстро стал *великим* Кейнсом, лордом (с 1942 г.) и видной политической фигурой Великобритании, открыто полемизировать с которым австрийскому мигранту-немцу, ставшему британским гражданином лишь в 1938 г., было уже неуместно. И Хайек ответил Кейнсу и кейнсианцам в эзоповском стиле, перенеся в «Дороге к рабству» на «тоталитарных» нацистов и коммунистов много такого, что он думал именно о кейнсианцах.

С позиции современного знания мы понимаем, что панические страхи 1940-х гг. по поводу надвигающихся

ся тоталитарных ужасов были не вполне адекватными. И «советский эксперимент», в общем-то, уже показал свои «зияющие высоты». И социалисты / коммунисты Запада старались не повторять советских ошибок. И вообще после кровопролитий Второй мировой войны никому не хотелось умирать на баррикадах очередной революции. Уже в 1950-е гг. четко обозначилось «сворачивание» с «дороги к рабству»: в СССР начали критиковать культ личности Сталина, в Западной Европе влияние социалистов и коммунистов резко сократилось, а в США после маккартистской «охоты на ведьм» оно вообще маргинализировалось. Страх перед «дорогой» в социалистическое «рабство» тоже пошел на спад, как и влияние идей «австрийцев»: в их биографиях рефреном повторяется, что в 1950–1960-е гг. им было очень одиноко (едва ли не буквально — «и некому руку подать»).

Новый подъем популярности «австрийцев» в 1970-е стал реакцией уже не на усиление этатизма, а, наоборот, на его *ослабление*. Речь идет о почти одновременном завершении «кейнсианской эры» после «нефтяного шока» 1973 г. и об истощении позитивного потенциала советской модели социализма после свертывания в начале 1970-х гг. косыгинских реформ. В сознании многих людей западноевропейской цивилизации, верящих в «демократический социализм», образовалось пустое пространство, за заполнение которого стали конкурировать разные направления либеральной неоклассики — от респектабельного монетаризма до радикальной австрийской школы.

Можно предположить, что полученная Хайеком в 1974 г. премия им. Нобеля стала отчасти реакцией на смерть в 1973 г. Мизеса, «патриарха» австрийской школы. Эта смерть напомнила, что полярной антитезой «социализму» являются именно идеи австрийской школы, поэтому и поспешили наградить наиболее известного ученика Мизеса. Престижная награда резко

повысила популярность «австрийцев», но их принципиальная установка на то, что лишь они «из всей роты шагают в ногу»¹³, не могла их не маргинализировать. Вот где-то на краю неоклассического мейнстрима «австрийцы» и находились последующие почти 50 лет. Все-таки этатистские идеологемы (как органический элемент далекой от крайностей смешанной экономики) проникли в сознание европейцев уже слишком прочно, чтобы «австрийские» призывы к полному отказу от госрегулирования находили у них массовую поддержку.

Фридрих фон Хайек как зеркало интегративных тенденций обществоведения

Едва российские экономисты познакомились в 1980-е гг. с идеями Хайека, как они стали подозревать в них какую-то изощренную версию институционализма. И не без оснований.

Действительно, неоавстрийская школа парадоксально соединяет некоторые признаки «нормального» институционализма с признаками «нормальной» неоклассики. Методологический индивидуализм, апология рынка как «лучшего из миров», критика госрегулирования — это все у неоавстрийцев как у неоклассиков. Поэтому можно согласиться, например, с О.В. Карамовой (рис. 1), что «неоавстрийская школа» XX в. относится к тому же блоку экономических теорий, что и неоклассическое направление. Но, с другой стороны, акцентирование внимания на спонтанно складывающихся правилах и нормах, междисципли-

¹³ Для понимания отношения «австрийцев» к другим либералам, безусловным сторонникам индивидуализма и рыночной системы, процитируем характерное высказывание Хайека в его пожилые годы: «...одна из вещей, о которых я больше всего жалею, это что я не вернулся к критике трактата Кейнса [«Общей теории»], но почти так же досадно, что я не подверг критике книгу Милтона [Фридмана] «Очерки по позитивной экономической теории», в определенном смысле крайне опасную» (цит. по: [15, с.130]).

Рис. 1. Неоавстрийская школа в системе экономических теорий XX в., по О.В. Карамовой [20].

нальность, принципиальный отказ от математизации — все это сближает неоавстрийцев именно с институционалистами, причем больше даже не с неоинституционалистами (приверженцами идей Р. Коуза), а с «традиционными» («старыми», продолжающими традицию Т. Веблена и Г. Мюрдаля).

Такая промежуточность идей Хайека в частности и австрийской школы в целом является выражением, прежде всего, сильной интегративной тенденции в обществоведении XX–XXI вв. Если в XVII–XIX вв. развитие науки шло путем выделения более частных наук (экономики, социологии, политологии...) из первоначально нерасчлененного обществоведения, то затем наступил обратный процесс. Это связано отчасти с саморазвитием науки, которая училась работать с обществом как со сложным, но единым объектом, отчасти с развитием общества — ростом взаимосвязей и

взаимовлияния различных аспектов жизни людей. Поэтому формирование «старого» институционализма (1900–1920-е гг.) и современной австрийской школы (с 1920-х гг.) происходило с незначительным разрывом. Не исключено, что прагматология Мизеса стала сознательным «ответом» на «вызов» со стороны идей Веблена, Коммонса и Митчелла. Объективно «австрийцы» показали, что «институты имеют значение», но их нужно рассматривать не как пластичный материал для рациональной социальной инженерии (именно такой дискурс развивался у «старых» институционалистов), а как хрупкий результат многовекового опыта, который трудно усовершенствовать, но легко сломать.

Хотя институционалисты и австрийцы очень по-разному понимают пластичность институтов и, главное, целеполагание людей при институтостроительстве, однако объективно оба эти направления с разных сторон работали над стиранием граней между разными общественными науками, изучающими «правила игры». Можно предположить, что к концу текущего столетия интегративные тенденции обществоведения приведут к формированию комплексной науки об обществе, внутри которой, например, экономическая и социологическая теория будут восприниматься как направления, аналогичные современному положению микро- и макроэкономики внутри экономической теории. Другой вопрос — какая мегапарадигма будет скреплять эту науку об обществе, индивидуалистическая или органическая (холистская). Ведь сложившаяся благодаря Мизесу и Хайеку современная австрийская школа имеет далеко не одну ахиллесову пяту, препятствующую распространению ее идей.

Наиболее сильно бросающейся в глаза негативной особенностью австрийской школы является ее априоризм — бездоказательное формулирование базовых утверждений, из которых затем чисто логически выводятся многообразные практические следствия. Отказ

от эмпирической проверки «австрийцы» обосновывают тем, что «эмпирические свидетельства всегда противоречивы», а лабораторная проверка невозможна [15, с. 159]. Тем самым походя перечеркивается научная ценность и экономической истории, и экспериментальной экономики.

Применительно к Мизесу и Хайеку такой панлогизм можно объяснить особенностями их личного пути в науку: по базовому образованию они оба — не экономисты, а правоведаы. Действительно, для юристов типичен именно такой способ мышления, когда на основе априорных базовых принципов чисто логически выстраивается система выводов. В таком случае на сакраментальный вопрос «Кто Вы, доктор Хайек?» можно дать ответ, заложенный в самом вопросе: Хайек — доктор юридических наук, который привнес в экономическую науку принципы «родной» юриспруденции. Поэтому австрийскую школу последователей Мизеса и Хайека можно интерпретировать как пример «юридического империализма» — распространения на экономическую науку юридической методологии. Когда в 1960–1970-е гг. неоинституционалисты нанесли «ответный удар», предложив, наоборот, юристам руководствоваться экономической логикой, это, насколько можно судить, прошло мимо Хайека, который к тому времени уже слишком глубоко ушел в свою систему взглядов, чтобы ее качественно менять.

Если интерпретировать взгляды «австрийцев» в контексте «юридического империализма», то становится понятным их странное (с точки зрения «старого» институционализма) убеждение, что единственным экономическим субъектом является самостоятельно принимающий решения индивид, для которого высшей ценностью является свобода. Это вполне соответствует «человеку юридическому», как его понимают европейские системы права. Но ведь кроме европейского правового общества есть неевропейские

цивилизации, в которых соотношение индивида и общества априори рассматривается иначе. Да и в самой западноевропейской цивилизации наряду с апологией свободы, чья ценность самоочевидна для Хайека, есть и противоположная тенденция, описанная, например, в «Бегстве от свободы» (1941) Э. Фромма [21].

Отмеченные особенности австрийской экономической школы Мизеса / Хайека приводят к мысли, что она в значительной степени вообще выпадает из сферы собственно науки, уходя в сферу социально-философских учений. Если наука принципиально доказательна, то учения опираются на приверженность определенным ценностям, среди которых нет правильных или ошибочных. Сторонники Хайека могут утверждать, что творческое индивидуальное предпринимательство и свобода от государственного принуждения есть высшая ценность, лежащая в основе человеческой природы. Противники Хайека могут возразить, что высшей человеческой ценностью является коллективный труд под централизованным руководством, освобождающий от страха перед неопределенностью. Обе позиции основаны на культурных ценностях, одна из которых более типична для Запада, другая — для Востока. Какая из них и в какой степени подходит для грядущего постиндустриального / информационного общества, сказать пока трудно. Окончательное слово остается за будущим, которое формируется на наших глазах.

Список использованной литературы

1. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек ; под ред. А. Бабица ; пер. с англ. Н. Ставиской. — London : Nina Karsov, 1983. — 288 с. — URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/hayek_doroga_k_rabstvu_1983__ocr.pdf.
2. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 113-151.
3. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек // Вопросы философии. — 1990. — № 11. — С. 123-165.

4. Капелюшников Р.И. «Дорога к рабству» и «дорога к свободе»: полемика Ф.А. Хайека с тоталитаризмом / Р.И. Капелюшников // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 99–112.

5. Катасонов В. Динамит «Нобеля по экономике» страшнее динамита Альфреда Нобеля / В. Катасонов // RussNov. — 2018. — 28 авг. — URL: <http://russnov.ru/valentin-katsonov-dinamit-nobelya-po-ekonomike-strashnee-dinamita-alfreda-nobelya-20-08-2018>.

6. Гарисон Р.У. Фридрих Август Хайек / Р.У. Гарисон, И.М. Кирцнер // «Невидимая рука» рынка / ред. Дж. Итуэлл, М. Милгейт, П. Ньюмен. — Москва, 2008. — С. 160–176.

7. Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма. Жизнь и идеи Людвига фон Мизеса / Й.Г. Хюльсманн. — Москва : Социум, 2013. — 893 с.

8. Заусаева Н.А. Фридрих Хайек и его политическая философия: между либерализмом и консерватизмом / Н.А. Заусаева // Известия Алтайского государственного университета. — 2000. — № 4 (18). — С. 64–68.

9. Демин И.В. Критика историцизма в философской концепции Фридриха фон Хайека / И.В. Дёмин, С.В. Мышкин // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 9 (111). — С. 31–34.

10. Романовская О.В. Политико-правовое значение либертарианской идеологии / О.В. Романовская // Гражданин и право. — 2018. — № 8. — С. 3–15.

11. Найденова Е.М. Кейнс versus Хайек: примирение не состоялось / Е.М. Найденова // Дорога к Хайеку / под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. — Москва : КНОРУС, 2021.

12. Найшуль В.А. Предисловие к русскому изданию / В.А. Найшуль, Г.Г. Сапов // Частные деньги / Ф.А. Хайек. — Москва, 1996. — С. 11–26.

13. Ореховский П.А. Хайек как «изобретатель врага» / П.А. Ореховский // Дорога к Хайеку / под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. — Москва : КНОРУС, 2021.

14. Хайек Ф.А. Судьбы либерализма в XX веке / Ф.А. Хайек. — Москва : ИРИСЭН, 2009. — 486 с.

15. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа / Х. Уэрта де Сото. — Челябинск : Социум, 2007. — 204 с.

16. Эллман М. Каков вклад исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима? / М. Эллман. — Москва : Институт экономики РАН, 2009. — 67 с. — URL: https://web.archive.org/web/20100326090504/http://www.inecon.ru/tmp/Doklad_M.Ellman.pdf.

17. Хайек Ф.А. Экономический расчет при социализме / Ф.А. Хайек // Индивидуализм и экономический порядок. — Челябинск : Социум, 2016. — С. 145–248.
18. Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм / Б.Д. Бруцкус. — Санкт-Петербург : Звезда, 1995. — 229 с.
19. Уайт Л. Борьба экономических идей. Великие споры и эксперименты последнего столетия / Л. Уайт. — Москва : Новое Изд-во, 2020. — 446 с.
20. Карамова О.В. Развитие методологии экономической науки: эволюция и научные революции / О.В. Карамова // Новая экономическая ассоциация. — 2016. — URL: <https://www.econorus.org/c2016/files/gpdo.docx>.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. — Москва : АСТ, 2006. — 571 с.

References

1. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. University of Chicago Press, 1944. (Russ. ed.: Hayek F.A.; Babich A. (ed.). *Doroga k rabstvu*. London, Nina Karsov, 1983. 288 p. Available at: https://vtoraya-literatura.com/pdf/hayek_doroga_k_rabstvu_1983_ocr.pdf).
2. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. *Voprosy filosofii* = *Issues of Philosophy*, 1990, no. 10, pp. 113–151. (In Russian).
3. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. *Voprosy filosofii* = *Issues of Philosophy*, 1990, no. 11, pp. 123–165. (In Russian).
4. Kapelyushnikov R.I. «The Road to Serfdom» and «the Road to Freedom»: F. Hayek's Polemics with Totalitarianism. *Voprosy filosofii* = *Issues of Philosophy*, 1990, no. 10, pp. 99–112. (In Russian).
5. Katasonov V. The Dynamite of «Nobel-Prize Winner in Economics» is more Frightening than the Dynamite of Alfred Nobel. *RussNov*, 2018, August 28. Available at: <http://russnov.ru/valentin-katasonov-dinamit-nobelya-po-ekonomike-strashnee-dinamita-alfreda-nobelya-20-08-2018>. (In Russian).
6. Garrison R.W., Kirzner I.M. Friedrich August von Hayek. In Eatwell J., Milgate M., Newman P. (eds). *«Nevidimaya ruka» rynka* [The Invisible Hand]. Moscow, 2008, pp. 160–176. (In Russian).
7. Hulsman J.G. *Mises: The Last Knight of Liberalism*. Auburn, Alabama, Ludwig von Mises Institute, 2007. 1160 p. (Russ. ed.: Hulsman J.G. *Poslednii rytsar' liberalizma. Zhizn' i idei Lyudviga fon Mizesa*. Moscow, Sotsium Publ., 2013. 893 p.).
8. Zausaeva N.A. Friedrich Hayek and his Political Philosophy: between Liberalism and Conservatism. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = *Izvestiya of Altai State University*, 2000, no. 4 (18), pp. 64–68. (In Russian).

9. Demin I.V., Myshkin S.V. Criticism of Historicism in Friedrich von Hayek's Philosophical Conception. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* = *Almanach of contemporary science and education*, 2016, no. 9 (111), pp. 31–34. (In Russian).

10. Romanovskaya O.V. Political and Legal Significance of Libertarian Ideology *Grazhdanin i pravo* = *Citizen and law*, 2018, no. 8, pp. 3–15. (In Russian).

11. Naidenova E.M. Keynes vs. Hayek: the Reconciliation Failed. In Nureev R.M., Latov Yu.V. (eds). *Doroga k Khaieku* [«The Road to Hayek»]. Moscow, Knorus Publ., 2021. (In Russian).

12. Naishul V.A., Sapov G.G. Introduction to the Russian Edition. In Hayek F.A. *Chastnye dengi* [Private Money]. Moscow, 1996, pp. 11–26. (In Russian).

13. Orekhovskii P.A. Hayek as «Inventor of the Enemy». In Nureev R.M., Latov Yu.V. (eds). *Doroga k Khaieku* [The Road to Hayek]. Moscow, Knorus Publ., 2021. (In Russian).

14. Hayek F.A. *The Fortunes of Liberalism*. New York, Routledge, 1992. 296 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. *Sud'by liberalizma v khkh veke*. Moscow, IRISEN Publ., 2009. 486 p.).

15. Huerta de Soto J. *The Austrian School: Market Order and Entrepreneurial Creativity*. Northampton, Edward Elgar, 2008. 129 p. (Russ. ed.: Huerta de Soto J. *Avstriiskaya ekonomicheskaya shkola*. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. 204 p.).

16. Ellman M. *Kakov vklad issledovatel'skikh rabot po sovetskoi ekonomike v ekonomicheskuyu teoriyu meinstrima?* [What Contribution did Research on Soviet Economy Make to Economic Theory of the Mainstream?]. Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 67 p. Available at: https://web.archive.org/web/20100326090504/http://www.inecon.ru/tmp/Doklad_M.Ellman.pdf.

17. Hayek F.A. (ed.). *Collectivist Economic Planning*. London, George Routledge & Sons, 1935. 600 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. *Economic Calculation under Socialism*. In *Individualism and Economic Order*. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2016, pp.145–248).

18. Brutskus B.D. *Sovetskaya Rossiya i sotsializm* [Soviet Russia and Socialism]. Saint-Petersburg, Zvezda Publ., 1995. 229 p.

19. White L. *The Clash of Economic Ideas*. Cambridge University Press, 2012. 428 p. (Russ. ed.: White L. *Bor'ba ekonomicheskikh idei. Velikie spory i eksperimenty poslednego stoletiya*. Moscow, 2020. 446 p.).

20. Karamova O.V. Methodological Development of Economic Science: Evolution and Scientific Revolutions. *Novaya ekonomicheskaya assotsiatsiya* = *New Economic Association*, 2016. Available at: <https://www.econorus.org/c2016/files/gpdo.docx>. (In Russian).

21. Fromm E. *Escape from Freedom. Man for Himself*. New York, Avon Books, 1969. 333 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya*. Moscow, AST Publ., 2006. 571 p.).

Информация об авторах

Нуреев Рустем Махматович — доктор экономических наук, научный руководитель, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; ординарный профессор, НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nureev50@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-1407-2657; SPIN-код: 9366-0174; AuthorID: 157455; WoS ResearcherID: P-9648-2015.

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: latov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7566-4192; SPIN-код: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016.

Authors

Rustem M. Nureev — D.Sc. (Economics), Professor, Scientific supervisor, Department of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation; Tenured Professor, Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation, e-mail: nureev50@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-1407-2657; SPIN-code: 9366-0174; AuthorID: 157455; WoS ResearcherID: P-9648-2015.

Yury V. Latov — Dr. Sc. (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of RAS; Senior staff scientist, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, the Russian Federation, e-mail: latov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7566-4192; SPIN-code: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016.

Для цитирования

Нуреев Р.М. Дороги к пониманию «Дороги к рабству» (размышления над биографией Фридриха фон Хайека и

его идей) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. — DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).39-75 // Историко-экономические исследования. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 39–75.

For Citation

Nureev R.M., Latov Yu.V. The Roads to Understand «The Road to Serfdom» (Reflection on Biography of Friedrich Hayek and his Ideas). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 39–75. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).39-75. (In Russian).